

ИИСУС ХРИСТОС В ОБЩЕСТВЕННОМ СОЗНАНИИ РЕВОЛЮЦИОНЕРОВ (НА МАТЕРИАЛАХ ВОЛОГОДСКОЙ ПРОЛЕТАРСКОЙ ПРЕССЫ 1919 ГОДА)

О.Б. Молодов

Вологда, свободный исследователь

Первые послереволюционные годы были временем слома прежней государственности, идеологии и общественного строя России. Партия большевиков с момента принятия в январе 1918 г. декрета «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» [1] развернула широкомасштабные антирелигиозные мероприятия, направленные на секуляризацию общественного сознания и ослабление роли православия в жизни населения, в том числе: репрессии духовенства, изъятие церковных ценностей, кампанию по осквернению мощей святых [2; 3]. Однако вековые православные традиции русского народа, в нашем случае – жителей Вологодской губернии, искоренялись с трудом.

Сама революционная идеология представляла собой совокупность новых коммунистических ценностей, подчас основанных на представлениях народа о христианском равенстве, братстве и справедливости. Образ богочеловека Иисуса Христа в ряде случаев выступал воплощением лучших качеств революционера, погибшего за свободу народа. В итоге на низовом уровне революционно настроенных рабочих сформировался «клубок» противоречий между социалистическими (коммунистическими) идеями и более понятными простому народу христианскими ценностями, быстро искоренить которые не представлялось возможным. Отсюда возникло терпимое отношение к самому Иисусу Христу как носителю некоторых прогрессивных идей общественного устройства.

О существенном значении этой проблемы говорит целая подборка публикаций в вологодской губернской газете «Красный Север» (по 30 апреля 1919 г. газета выходила ежедневно на четырех полосах под названием «Известия Вологодского Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов») и иных официальных периодических изданиях Вологодчины за 1919 год. К ним относятся газеты: «Деревенский коммунары» Грязовецкого райкома РКП(б), «Красный набат» Вельского уездного исполкома, «Наша война» политотдела VI армии. Тогда, в разгар Гражданской войны и интервенции на Севере, голода, спекуляции и сыпного тифа журналисты и советские чиновники, по существу, дискуссировали о месте Иисуса Христа и религии в пролетарской революции.

Примечательно, что революционная поэма А. Блока «Двенадцать» стала единственным произведением классической литературы, как-то отраженным в губернской газете за 1919 год [4, с. 2]. В данной статье приводятся стихотворные отрывки с комментариями пролетарского журналиста. В заключении автор признает поэму «гениальной летописью октября, наиболее ярким достижением русской литературы в 1918 году».

В статье, кроме особо актуальных отрывков – «Революционный держите шаг!» и т.п., описаний классовых врагов, мы находим двустишия А. Блока о духовенстве и вере: «Что нынче не веселый, / *Товарищ поп?*» (Курсив здесь и далее наш. – О.М.), «Свобода, свобода, / Эх, эх, без креста». Вместе с тем, в поэме «Двенадцать» (но не в этой статье!) встречается и вышеупомянутая фраза о Христе как лидере, по крайней мере, символе революционного движения – «В белом венчике из роз / Впереди Иисус Христос». Таким образом, сам А. Блок заронил противоречие между сыном Божьим, с одной стороны, его Церковью и духовенством, с дру-

гой. Представляя Христа в авангарде пролетарской революции, поэт относит «попа» (представителя Православной церкви) к носителям прежних ценностей царской России, несовместимых с новыми свободными нравами, то есть со свободой «без креста». Описанная статья стала частью своеобразной полемики, которая велась на страницах провинциальных пролетарских газет в разгар Гражданской войны и антирелигиозной кампании большевиков.

В ряде публикаций, в том числе видных советских руководителей, в частности, М. Ветошкина (председателя Вологодского губисполкома, именем которого названа одна из центральных улиц г. Вологды), Иисус Христос показывается с позиций идеалов революции исключительно в «светлых» тонах. Он именуется «великим проповедником правды и всечеловеческой любви» и «великим сыном *бедного плотника*» [5, с. 2]. С весьма положительной стороны обозначается цель его первого пришествия – «не надругаться он пришел над человеком, а освободить его». В то же время М. Ветошкиным ставится «законный» вопрос: «А что сделала церковь из его учения?», на который он сам и отвечает: «она обратила *революционное учение* наивномудрого плотника на службу богатым и сытым мира сего, сделала его предметом беззастенчивой эксплуатации народных масс и средством для обмана» (орфография источников здесь и далее сохранена – О.М.).

Примечательно, что эта статья – открытое письмо епископу Вологодскому и Тотемскому Александру (Трацицыну), репрессированному в 1921 г., по поводу вскрытия и освидетельствования мощей преподобного Феодосия Тотемского. Кампания по вскрытию мощей в православных монастырях и храмах началась с февраля 1919 г. по всей стране и имела целью разоблачение «поповских сказок» о нетленных останках «святых» [6]. Это лишний раз показывает противопоставление «революционера» Иисуса Христа и «реакционных» монахов и попов, объявивших «тленное нетленным».

Другой автор – А. Кулагин, говорит в своей публикации об «истинном учении *Христа-социалиста*», о котором на многие годы забыло православное духовенство. Он призывает «барствовавших ранее попов» «снизойти до проповеди истинных взглядов и учения Христа: о равенстве, братстве, о правах трудящихся и обездоленных» [7, с. 3].

В статье «Две правды» М. Сибиряк проводит параллели между зарождением христианства и революцией 1917 года [8, с.3]. В частности, автор признает сходство некоторых происходивших явлений и процессов. Он считает, что раскол на христиан и язычников похож на раскол на сторонников и противников революции. Богатые преследовали как Христа, так и советскую власть. Избиение младенцев царем Иродом напоминает автору пролитие буржуазией крови революционных рабочих. Заключая свои рассуждения, он указывает на любовь бедноты и к Христу, и к власти трудящихся. Однако в итоге М. Сибиряк все же признает, что много отличного в правде Христа и в правде советской власти.

Наиболее яркими эпитетами наполнено стихотворение красноармейца Леонтия Собина «Духовным отцам», в котором наглядно проявляется концепция Христа-революционера:

«Иисус Христос был коммунист...
И вы признайтесь народу,
Что за уши водили их;
Признайте полную свободу...
Великий был социалист
Сам Бога сын едиnorodный

Как настоящий коммунист,
О мзде не думал он народной» [9, с. 2].

Видимо, данные представления о Христе, как носителе революционных идей, противоречили антирелигиозной политике правительства большевиков, опасавшегося, что восхваление «сына Божия» будет препятствовать эффективной борьбе с религией и Церковью. В связи с этим в прессе появляются статьи и изложения лекций, содержащих «жесткую» позицию по отношению к христианской вере. Например, автор под псевдонимом «Агарин» критикует мнение о том, «будто христианство являлось и является по существу учением социалистическим, как будто Христос учил ничему иному как социализму» [10, с. 1]. По его словам, рассуждения о согласии социализма и религии – «ухищрения контр-революции». Единственное, с чем соглашается автор, что община первых христиан была устроена наподобие коммуны, однако подчеркивает только их внешнее сходство. В заключение он отмечает, что «нет на деле более непримиримых врагов, чем религия и учение социализма, проведенное последовательно».

Некто под псевдонимом «Грибаедов» разграничивает проповеди и деятельность православного духовенства с христианским учением – «высокой идеей, идеей братства и любви к ближнему». По его словам, «попы извратили святое учение так, как нужно было банкирам, фабрикантам и помещикам», снова противопоставляя Христа созданной им Церкви. Автор с удовлетворением отмечает, что народ «начинает видеть несоответствие пастырей с ...высокой идеей [христианства]» [11, с. 3-4]. С аналогичным мнением выступает другой пролетарский трибун, указывая, что Церковь всему учит «наоборот»: священники «клеят имя Христа ...великого учителя, которого за высоту и ясность его учения *простой трудовой народ* ...признал богом» [12, с. 4].

Интересны и отдельные аргументы «тов. Христофорова», утверждавшего, что большевики продолжали «развивать учение Христа» (!), по крайней мере, в контексте призыва «не собирать сокровищ на земле» [13, с. 4].

На твердых антирелигиозных позициях была выдержана лекция «товарища Минина», бывшего семинариста, на тему «Религия и коммунизм», прочитанная на Прохоровской фабрике и призывающая трудящихся расстаться «со старыми взглядами», несмотря на трудности [14, с. 1-2]. Общим выводом этого выступления перед рабочими является утверждение о несовместимости религии и коммунизма, поскольку «коммунизм есть наука».

Скорее всего, на этом спор не закончился. В дальнейшем в конфессиональной политике Советского государства возобладал «воинствующий атеизм», периодически смягчавшийся недолгими оттепелями, а в народе десятилетиями продолжала жить идея о Христе-социалисте и коммуне ранних христиан.

Источники и литература

1. Молодов, О.Б. Декрет СНК РСФСР «Об отделении церкви от государства и школы от церкви»: содержание и значение / О.Б. Молодов // История государства и права. – 2016. – №1. – С. 14-19.
2. Молодов, О.Б. Судьбы православия на Вологодчине в 1919-1921 гг. / О.Б. Молодов // История в подробностях. – 2015. – №11 (65). – С. 74-81.
3. Молодов, О.Б. Антиалкогольное направление политики атеизации населения (1919-1980-е гг.) / О.Б. Молодов // История в подробностях. – 2014. – №4 (46). – С. 94-98.
4. Георгиев, А. Поэма «Двенадцать» Александра Блока / А. Георгиев // Известия Вологодского Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. – 1919. – 17 апреля. – №85.

5. Ветошкин, М. Кто кощунствует / М. Ветошкин // Красный Север. – 1919. – 8 мая. – №6.
6. Молодов, О.Б. Кампания по вскрытию мощей православных святых в 1919 г. / О.Б. Молодов // История в подробностях. – 2014. – №5 (47). – С. 76-79.
7. Кулагин, А. Попы и проповеди / А. Кулагин // Красный Север. – 1919. – 20 июня. – №41.
8. Сибиряк, М. Две правды / М. Сибиряк // Деревенский коммунар. – 1919. – 7 ноября. – №101.
9. Собин, Л. Духовным отцам / Л. Собин // Красный Север. – 1919. – 5 июля. – №54.
10. Агарин. Христианство и социализм // Красный Север. – 1919. – 2 сентября. – №100.
11. Грибаедов. Пастыри стада // Красный набат. – 1919. – 4 мая. – №42 (88).
12. Шулепов, П. Еще раз про духовенство / П. Шулепов // Красный набат. – 1919. – 26 июня. – №60 (106).
13. Киселев, П. Рабоче-крестьянская власть и духовенство (Лекция тов. Христофорова) / П. Киселев // Наша война. – 1919. – 28 сентября. – №206.
14. Религия и коммунизм // Известия Вологодского Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. – 1919. – 25 января. – №18.

О НЕИЗБЕЖНОСТИ КРАХА ПОЛИЦЕЙСКОГО ГОСУДАРСТВА В РОССИИ В 1917 ГОДУ

Н.С. Нижник

Санкт-Петербург, Санкт-Петербургский университет МВД России

Российским революциям 1917 г. и объяснениям их причин посвящено большое количество литературных произведений, от мемуаров свидетелей и участников февральских и октябрьских событий вплоть до научных работ исследователей различных государств и различных специальностей нескольких поколений. Что нового можно сказать о событиях в их столетнюю годовщину? Какие феномены, ускользнувшие от внимания исследователей, можно описывать в XXI в.? Какие причинно-следственные связи между событиями, фактами, явлениями остаются не вскрытыми до настоящего времени? Вряд ли перечень оставшегося без интереса научной общественности будет велик. Но и это обстоятельство не лишает ученого возможности изменить исследовательскую оптику и найти свой угол зрения на известные события.

Вопросами, продолжающими вызывать острые дискуссии, являются закономерность/случайность революционных преобразований в России в 1917 г. и причины краха российской монархии и олицетворявшего ее полицейского государства. Распространенные теория прогресса, теория заговора и теория случайности, использующие особенные логики объяснения событий [15, с. 16–18], не акцентируют внимание на роли правоохранительной системы государства в революционных событиях, не выявляют места полиции в политико-правовых трансформациях российского государства. Однако изучение институциональной истории полицейского государства как политико-правовой техники поддержания правопорядка может быть эвристически небесполезным для понимания практик господства в современных обществах, «замирность которых является скорее их собственным идеалом/идеологией, нежели фактической действительностью» [5, с. 14]. В сфере организации и деятельности полиции современное государство имеет дело с дискурсивным и институциональным наследием эпохи полицейского государства [7, с. 41–54]. Поэтому, по справедливому замечанию К. Вольцендорфа, именно «здесь имеет смысл порыться в почве прошлого, чтобы увидеть органиче-